

**СЕЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В СОСТАВЕ КРЕСТЬЯНСКОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX
В.: СТАНОВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ**

Гордеева М. А.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10019

Гордеева Мария Александровна, Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
E-mail: sharshova@yandex.ru

В статье определяется роль должностных лиц сельского уровня в системе местного крестьянского самоуправления в Томской губернии конца XIX – начала XX в. Исследование основано на материалах волостных правлений, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Томской области, Государственного архива Новосибирской области, а также на воспоминаниях и исследованиях современников описываемых событий. Определен круг прав и обязанностей должностных лиц сельского самоуправления: сельского старосты, писаря, сборщиков податей, сотских и десятских. Особое внимание уделено полномочиям старосты и писаря, как основным «начальникам» на селе. Круг обязанностей сельского старосты был весьма обширен, из-за чего крестьяне довольно часто пытались избежать избрания на эту должность, приводя самые разные доводы. Сельский писарь имел особое положение в сельском обществе. Обязанность знать законы, касающиеся не только быта крестьян, но и воинские и гербовые уставы, множество различных циркуляров и распоряжений, повышала авторитет писаря среди крестьян. Именно он более других членов крестьянского самоуправления был связан с официальной властью. Мирское самоуправление все более тесно интегрировалось с государственными институтами власти. Возрастающий документооборот требовал от крестьян большей ответственности, отвлекая от ведения домашнего хозяйства. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на нежелание крестьян исполнять должностные обязанности, потерявшие свою престижность и степень самостоятельности, они, тем не менее, приспособивались к возрастающему вмешательству государства, используя служебное положение в интересах общины и своих собственных.

Ключевые слова: крестьянское самоуправление, волостной старшина, крестьянский начальник, община, сельский староста, писарь, Томская губерния.

Изучая крестьянское самоуправление пореформенной России, историки справедливо уделяют первоочередное внимание таким колоритным должностным лицам и институтам, как волостной писарь, волостной старшина, волостной суд. Сельский староста является своего рода бесплатным приложением к аппарату волости, о наличии сельских писарей не все даже догадываются. Пришло время внести

поправки в эту картину. Становление самостоятельного сельского звена крестьянского самоуправления – один из признаков подспудных, но неотвратимых перемен в российском обществе конца XIX – начала XX в.

Среди дореволюционных исследователей общинного самоуправления поддерживались две точки зрения на функционирование общинных органов самоуправления. Часть из них придерживалась мнения о способности общины к сохранению и саморазвитию (Качоровский, 1906). П. Вениаминов (1908) отмечал особую роль самоуправления в борьбе за общинные интересы. А.П. Щапов (1906) охарактеризовал общину как хранителя начал народа. Противники общинных порядков предлагали включить волостное самоуправление в государственный аппарат (Головин, 1881). Н. Бржеский (1906), например, говорил о полном бесправии и отрицал необходимость сохранения волостного суда и самоуправления.

В советский период вопросы функционирования местного самоуправления оставались за границами интереса исторической науки вплоть до 1970-х гг. Это связано с тем, что внимание исследователей переключилось на проблемы крестьянского движения и социально-экономического развития. В немногочисленных работах господствовало мнение, что община являлась безмолвным инструментом государственной власти для осуществления фискальных функций.

Одним из тех, кто первым обратился к вопросу о характере и значении крестьянской общины, являлся В.П. Данилов (1971). Он пришел к выводу о том, что столыпинская реформа стала способом разрушения общины. А.М. Анфимов (1980) обратил внимание на компетенции сельского схода. В.А. Александров (1976) заметил, что правительство регламентировало деятельность общины для поддержания порядка; община, в свою очередь, менялась под влиянием социально-экономических условий.

В постсоветской историографии продолжаются споры о роли сельского самоуправления и его должностных лиц в жизни общины. Основной вектор в исследованиях переместился с изучения общины как общественно-экономического явления к ее изучению в качестве части государственного аппарата. П.Н. Зырянов (1992), в частности, считал крестьянскую общину пережитком, старающимся соответствовать новым веяниям времени. С.Н. Тутолмин (2005) утверждает, что должность сельского старосты, являясь древнейшим институтом, наиболее близка крестьянам. Г.В. Бурлова (2010) отмечает, что самоуправление на сельском уровне было регламентировано менее, чем волость. Сельский староста обладал

большей свободой от волостной и местной администрации, чем любой другой представитель крестьянского самоуправления.

«Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. предполагало двухступенчатую систему организации местного крестьянского самоуправления: волостную и сельскую. Волостные правления были учреждениями, в которых сосредоточивалась все дела по управлению волостью. Документация волостных правлений была сложна и разнообразна. Только по денежной отчетности велись десятки книг, а по текущему делопроизводству их количество доходило до четырех десятков по каждой волости. (Российский государственный исторический архив. Ф. 573. Оп. 15. Д. 19973. Л. 9 10). Документация, формировавшаяся на сельском уровне, была не столь многочисленна и разнообразна, но, тем не менее, занимала значительную долю в общей массе делопроизводственных материалов органов крестьянского самоуправления.

Главным лицом в сельском управлении был староста, избираемый на трехлетний срок сельским сходом с правом переизбрания. После избрания для исполнения общественных обязанностей староста принимал присягу. Также он освобождался от всех натуральных повинностей. Для сельских старост были установлены специальные знаки из светлой бронзы, на лицевой стороне которых изображался герб губернии и наименование должности. А на обороте помещался императорский вензель и надпись: «19 февраля 1861 г.» (Справочная книга..., 1912, стр. 177 178). Неграмотные должностные лица сельского управления могли иметь вместо подписи штемпели с надписью, указывающей их должности и названия сельского общества. При смене должностных лиц штемпели передавались преемникам.

Не всегда крестьяне, выдвигаемые на должность сельского старосты, соглашались ставить данный вопрос на обсуждение схода. Исполнение должностных обязанностей отрывало крестьян от повседневной работы, поэтому они всячески старались ограничить их. Бывали случаи, когда крестьяне просили освободить их от службы, приводя различные доводы. Нередко старосты просили о досрочном увольнении от должности, жалуясь на проблемы со здоровьем, нехватку времени на ведение хозяйства. Причиной отказа было и то, что отдельные крестьяне уже не один раз выполняли обязанности, касавшиеся дел крестьянского самоуправления (Чирков, 2004, стр. 28).

Законом было разрешено сразу отказаться от должности только в следующих случаях: если крестьянину более 60-ти лет, если он уже прослужил по выбору полный срок или тяжело болен. (Справочная

книга..., 1912, стр. 173). Крестьяне, желавшие оказаться от службы, могли подать прошение об увольнении крестьянскому начальнику.

Круг обязанностей сельского старосты был весьма обширен. Староста созывал и распускал сельский сход, предлагал вопросы для обсуждения, следил за порядком во время его проведения. Одной из задач сельского старосты было поддержание общественного порядка. Он мог налагать взыскания на крестьян без санкции сельского схода, волостного суда и других инстанций. Он мог даже арестовать общинника за неподчинение, неуплату подати.

Пример заботы о сохранении общественного порядка в чрезвычайной ситуации дает нам следующий случай. Летом 1914 г., в связи с мобилизацией, по селам были разосланы рекомендации об охране винных лавок. Атамановский сельский староста Барнаульского уезда доносил волостному правлению о распространении в народе слухов, касающихся закрытия винных лавок. Он сообщал: «Возможно, что волнения достигнут известного предела» (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д 78. Оп. 1. Д. 209. Л. 132).

В обязанности сельского старосты входили заверка различных расписок и выдача удостоверений крестьянам. Расписки, как правило, касались денежных сумм и раздела имущества (ГАНО. Ф. Д 78. Оп. 1. Д. 209. Л. 15, 18, 27, 81). Удостоверения выдавались «воинским нижним чинам» для препровождения в сборочный пункт (ГАНО. Ф. Д 78. Оп. 1. Д. 209. Л. 70, 76). В конце XIX в. крестьяне все чаще пользуются данной услугой. С.Л. Чудновский, обследовавший 30 крестьянских общин Алтайской волости Бийского округа, беседуя со старожилами разных сел, отмечал, что они сетовали на то, что «прошли и миновали патриархальные времена, когда все в житейском обиходе, как в имущественных, так и в других отношениях, держалось на одном слове, когда это слово всюду и везде было свято и крепко: ныне слово на каждом шагу нарушается “без стыда”, так что положиться на слово довольно рискованно». (Алтай в трудах ученых..., 2007, стр. 304). При этом Чудновский замечает, что такое положение дел распространено не повсеместно и во многих селениях слово еще «крепко, как камень». Но ввиду усложнившихся условий жизни большинство крестьян предпочитали различные сделки и договоры облекать в письменную форму в виде расписок, договоров, или в виде записей в книгах для записи сделок и договоров, которые хранились в волостном правлении (Алтай в трудах ученых..., 2007, стр. 304).

Сельский староста должен был извещать волостное правление о потерянных или же найденных вещах для того, чтобы оно разослало по селам указания «произвести розыски» (ГАНО. Ф. Д 78. Оп. 1. Д.

209. Л. 39 40, 42, 45, 49, 56, 61). Утерянные вещи описывались достаточно подробно. Так, крестьянин с Тулинского Барнаульского уезда, потерявший пальто, писал, что оно было «на собачьем меху, шерсть на полах цвета бурого, а на спинке красно-желтоватого, покрыто черным сукном, воротник отложной, пуговицы черные, в кармане была одна коробка граммофонных иголок и пружинка». (ГАО. Ф. Д 78. Оп. 1. Д. 209. Л. 110). В с. Завьяловском Барнаульского уезда произошел несколько иной случай. Крестьянин нашел на дороге недалеко от села «один бочонок сливочного масла весом 3 пуда, 26 фунтов, на дне которого имеется «иностранная надпись» с литерами «О и М» и цифрой «150» (ГАО. Ф. Д 78. Оп. 1. Д. 209. Л. 36). Волостным правлением, как и положено, были разосланы объявления по всем селениям. Уже через два дня хозяин бочонка был найден, о чем сельский староста был извещен телеграммой. Владельцем его оказалось Пароходство Мельниковой, извозчик которого при транспортировке потерял бочонок со сливочным маслом (ГАО. Ф. Д 78. Оп. 1. Д. 209. Л. 57 58).

Кроме обычных дел по наблюдению за порядком, старосты должны были выполнять все распоряжения начальства и нести вместе с писарем ответственность за ведение документации. Сельские старосты подавали в конце года сведения крестьянскому начальнику (должностное лицо, осуществлявшее административный надзор за местным крестьянством, проводившее ревизии делопроизводства волостных и сельских судов и правлений) для составления годового отчета. Первый вопрос, на который они отвечали, был о сельских сходах: сколько было принято на них приговоров, по каким вопросам и сколько из них представлено на утверждение крестьянского начальника. Также указывалось, сколько решений сельских сходов оставались неисполненными; сколько было в сельском обществе должностных лиц; какие болезни людей и скота; каким был урожай; сколько проживало в сельском обществе переселенцев и какие на них налагались поборы; какие нововведения крестьяне использовали в хозяйстве; сведения о мирском капитале (Котович, 1989, стр. 75, 80 81).

По окончании службы сельский староста подвергался ревизорской проверке. Проверялось состояние документов, наличие денежных сумм и правильность их расходования. По завершении составлялся учетный акт, который утверждался волостным правлением. Если обнаруживалась недостача, то деньги эти взыскивались со старосты (Почеревин, 2013, стр. 87). За неукоснительное исполнение распоряжений властей старосты получали награды: похвальные листы Министерства Внутренних Дел,

почетные кафтаны, серебряные медали с надписью «За усердие» (Котович, 1989, стр. 83-84).

Иногда действия старосты вызывали недовольство у крестьян. Староста мог быть обвинен в самоуправстве, пьянстве при исполнении служебных обязанностей, неправильное распределение хлеба из хлебозапасного магазина и др. Следует заметить, что в отношении сельского старосты как должностного лица действовал своеобразный «судебный иммунитет». Крестьянин не мог получить через суд удовлетворение от старосты, так как последний не подлежал юрисдикции волостного суда. Жалобы подавались непосредственно крестьянскому начальнику. Также за какие-либо проступки на сельского старосту мог наложить взыскание волостной старшина. Н.М. Астырев (1896, стр. 150) указывает на любопытную подробность: например, штраф, взыскиваемый со старосты, вносился из мирских сумм, причем крестьяне знали об этом. Они полагали, что если выбрали старосту, то теперь должны его поддерживать.

Отдельного рассмотрения заслуживает должность писаря. С одной стороны, писари, особенно сельские, были тесно связаны с крестьянами. Иногда и сами они имели крестьянское происхождение. С другой стороны, писарь более других членов крестьянского самоуправления был связан с официальной властью. Уже сам факт грамотности, способности вести переписку, делопроизводство, ставил его в особое положение. Обязанности писаря были весьма сложными и разнообразными. Он должен был знать не только законы, касающиеся быта крестьян, но и воинский устав, гербовый устав, устав о наказаниях, массу циркуляров и разъяснений Сената и других центральных учреждений (Богатырева, 2004, стр. 296). Как отмечает Н.Г. Суворова (1997, стр. 24), «овладение техникой управления, ... регулярное фиксированное жалование, ... наряду с фактическим отказом общества от принципа выборности при замещении волостного писаря приближали это должностное лицо к классическому типу бюрократа». В начале XX в., в условиях развития и углубления управленческой инфраструктуры, сельский писарь тоже становится таким же функционером. Жалование писаря было на порядок выше всех остальных должностных лиц. Так, в 1915 г. в деревнях и селах Тулинской волости жалования писарей составляли 360-370 руб., в то время как жалования сельских старост – в среднем 40 руб. (ГАНУ. Ф. Д 78. Оп. 1. Д. 213. Л. 18, 25, 29, 38). Писарь с. Тулинского той же волости имел годовое жалование 420 руб., совмещая при этом должность волостного писаря (ГАНУ. Ф. Д 78. Оп. 1. Д. 213. Л. 2) Для устройства на службу писарь должен был подать прошение крестьянскому начальнику. В нем же могла быть указана предыдущая

должность (как правило, помощника писаря) (ГАНО. Ф. Д 78. Оп. 1. Д. 210. Л. 10).

Помимо сельского старосты, общество могло избирать на сходе сборщика податей. На него возлагались следующие обязанности: взимание с крестьян всех денежных платежей и выдача квитанций об их уплате, ведение учета полученных денег, наблюдение за безнедоимочным сбором, хранение полученных с крестьян сумм в порядке, который определял сельский сход, внесение в местное казначейство окладных сборов и получение квитанции на этот предмет, отчет перед сходом в поступивших от крестьян суммах, представление сходам неплательщиков для принятия по отношению к ним решений и мер. При отсутствии сборщика податей его обязанности исполнял сельский староста.

Множество крестьян привлекались к несению службы, функции которой были слабо определены. Сотские и десятские исполняли обязанности по передаче распоряжений начальства и по полицейскому надзору в деревнях. На эти должности крестьяне избирались сельским сходом, но утверждались полицейским управлением. Отнимавшая немало времени, служба сотских и десятских, как и прочие должности, не была привлекательна в среде крестьян, поэтому, стремясь избавиться от нее, крестьяне прибегали к различным способам освобождения от своих обязанностей. Можно было нанять вместо себя другого человека для исполнения службы.

А. А. Кауфман (1905, стр. 24) отмечал, что крестьяне указывал на то, что «все выборные должностные лица существуют не для крестьян, а для начальства, поэтому хороший мужик всеми силами старается отбиться от выборной службы, так как ему всегда приходится идти против интересов общества».

Встает вопрос: были ли крестьяне заинтересованы в поддержке и развитии системы местного самоуправления, насаждаемого государством? С одной стороны, нежелание избираться в органы самоуправления, отношение к этому как к повинности, зачастую халатное исполнение должностных обязанностей говорит о равнодушном отношении к усилиям властей. С другой стороны, чувствовалась забота о повышении эффективности системы самоуправления.

Относительно рассматриваемого периода мы можем говорить о размытости традиционных установок на подчинение общинным ценностям, о трансформации крестьянских взглядов на роль и права общины. Крестьянин в меньшей степени, чем раньше, склонен доверять общине в целом, считаться с ее интересами. В своем сознании он все больше ограничивает права общины на решение

каких-то важных вопросов, даже тех, которые обычно решались исключительно ею.

Мы можем зафиксировать некоторые проявления несогласия с мнением общины. Отдельные крестьяне выказывают сопротивление решениям сельских сходов. Они саботируют эти решения, приносят жалобы на постановления сельских сходов и т.д. Зачастую крестьяне прибегают к посредничеству официальных органов в решении каких-то вопросов. Так, крестьяне с Николаевского Курьинской волости Змеиногорского уезда подали жалобу крестьянскому начальнику с просьбой отмены постановления сельского схода о взыскании с них денежных сборов, которые считали незаконными. (Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4017. Л. 344). В свою очередь, община не всегда в состоянии справиться с недовольством отдельных своих членов. Все чаще сельские общества, не в силах найти управу на крестьян, вынуждены подавать иски в волостные суды. Из 196 дел, рассмотренных Тулинским волостным судом Барнаульского уезда в 1914 г., в десяти истцом выступали сельские общества.

Все более тесная интеграция органов самоуправления с государственной властью накладывала свой отпечаток на отношение крестьян к этим органам. В целом восприятие этого уровня власти (особенно должностных лиц сельского управления) двойственно. Крестьянин относится к исполнению общественной должности неохотно, поскольку видит в ней дополнительную повинность, отвлекающую от хозяйства. Крестьяне, занимающие эти должности, в глазах односельчан рассматривались как «начальство», и отношение к ним изменялось соответственно. Денежное содержание, выплачиваемое должностным лицам, расценивалось как нарушение норм несения общественной службы. В глазах крестьянина это еще больше приближало должностных лиц сельского управления к положению официальных лиц.

Очевидно, необходимость иметь дело с органами государственной власти сделала грамотность желательным условием для несения службы. С точки зрения крестьян, грамотный человек может лучше защитить интересы волости (села) перед глазами чиновников. С другой стороны, высшие должности в системе самоуправления могли служить для отдельных крестьян инструментом реализации каких-либо амбиций: властных, имущественных, социально-психологических (стремление повысить свою социальную значимость). Не в последнюю очередь именно это обстоятельство и заставляло крестьян, по возможности, избегать этих должностей, ограничивать сроки службы. Не всякий крестьянин был способен занять положение, выдвигающее его из общинной среды; особенно,

когда это положение было связано с несением почти государственной службы.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. должности сельского самоуправления теряют свою престижность, переставая быть институтом реального самоуправления. Но вместе с тем крестьянам удавалось приспособиться к расширяющемуся вмешательству государства и даже использовать органы самоуправления в своих интересах.

Список источников

- Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX века.* (2007). Т. 2. Барнаул: АКУНБ.
- Государственный архив Новосибирской области (ГАО).* Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 209, 210, 213.
- Государственный архив Томской области.* Ф. 3. Оп. 44. Д. 4017.
- Российский государственный исторический архив.* Ф. 573. Оп. 15. Д. 19973.
- Справочная книга и руководство для волостных правлений, старшин, сельских старост и писарей. С разъяснениями Правительствующего Сената и Министерств.* (1912) Т. 1-2. С.-Петербург.

Список литературы

- Анфимов, А. М. (1962). *Российская деревня в годы Первой мировой войны.* Москва: Соцэкгиз.
- Александров, В. А. (1976). *Сельская община в России (XVII – начало XIX в.).* Москва: Наука.
- Астырев, Н. М. (1896) *В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления.* Москва.
- Богатырева, О. Н. (2004). *Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917).* Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Бржеский, Н. (1906). *Натуральные повинности крестьян и мирские сборы.* С.-Петербург.
- Бурлова, Г. В. (2010) *Сельский староста: полномочия и деятельность во второй половине XIX - начале XX в. (по материалам Тамбовской и Рязанской губерний).* *Вестник Тамбовского университета*, 5(85), стр.81-86.
- Вениаминов, П. (1908). *Крестьянская община (что она такое, к чему идет и что может дать России).* С.-Петербург.

- Головин, К. Ф. (1887). *Сельская община в литературе и действительности*. С.-Петербург.
- Данилов, В. П. (1971). К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России. В *Проблемы социально-экономической истории* (стр. 341-359). Москва: Наука.
- Зырянов, П. Н. (1992). *Крестьянская община Европейской России. 1907-1914*. Москва: Наука.
- Кауфман, А. А. (1905). Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г., *Сибирские вопросы*, № 1, стр. 26–32.
- Качоровский, К. Р. (1906). *Русская община*. Москва: Типо-литография Русского товарищества.
- Котович, Л. В. (1989). Организация общественного самоуправления у русских крестьян Сибири конца XIX – начала XX вв. В *Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX вв.* (стр. 39-51). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та.
- Почеревин, Е. В. (2013). *Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX – 1917 г.)*. Бийск: АГАО.
- Суворова, Н. Г. (1997). *Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII – первой половине 60-х гг. XIX вв.* Автореф. ... канд. ист. наук. Омск.
- Тутолмин, С. Н. (2005). Российский крестьянин в сельской и волостной администрации: борьба за власть и за освобождение от нее (начало XX в.), *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы*, № 7, стр. 264-279.
- Чирков, А. А. (2004). *Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.)*. Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина.
- Щапов, А. П. (1906). *Сочинения*. Т. 1. С.-Петербург: Изд.-во М.В. Пирожкова.

**RURAL ADMINISTRATION IN THE COMPOSITION OF PEASANT
GOVERNMENT OF THE TOMSK PROVINCE OF THE END OF 19 AND THE
BEGINNING OF THE 20 CENTURY: FORMATION OF INDEPENDENCE**

Gordeeva, M. A.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10019

Gordeeva Mariia Aleksandrovna, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 630090, Novosibirsk, Russia, Nikolaeva Str., 8, E-mail: sharshova@yandex.ru

Rural administration in the Tomsk province in the end of the 19th and the beginning of the 20th century: independent self-government institutions or appendage of volost administration?

The paper treats on the role of rural officials in the system of local peasant self-government in the Tomsk province of the end of the XIX and beginning of the XX century. The research is based on office work documentation deposited in the funds of the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Tomsk Region, the State Archive of the Novosibirsk Region, as well as on memoirs and studies of contemporaries of the events described. Among the researchers of rural self-government, two points of view on the functioning of rural municipality are dominating. Some researchers hold the opinion that the community was a silent instrument of state power for the implementation of fiscal functions. Another part argues that self-government at the rural level was less regulated than the rural municipality. The village headman had more freedom from the volost and local administration than any other representative of peasant self-government. The purpose of this article is to clarify the degree of independence of officials of rural self-government.

For this purpose the list of rights and duties of the rural headman, clerk, tax collectors, sotsky and desyatsky has been presented. Special attention is paid to powers of the headman and clerk as to main “chiefs” in the village. The list of duties of the rural head was very extensive, and for that reason peasants quite often tried to avoid election to this position, giving the most different arguments. The rural clerk had special position in rural society. The duty to know the laws concerning not only life of peasants, but also army and stamp regulations, a set of various circulars and orders increased authority of the clerk among peasants. Position of the clerk has been more closely connected with the official power than that of other members of rural self-government. The latter was more and more closely integrated with the state institutes of the power. The increasing document flow demanded larger responsibility from peasants, distracting them from household. The author comes to a conclusion that despite unwillingness of peasants to fulfill the functions which have lost prestigiousness and independence, they nevertheless adapted to the increasing intervention of the state, using official position for the benefit of community and their own.

Keywords: peasant self-government, community, village headman, clerk, Tomsk province.

References

- Anfimov, A. M. (1962). *Russian village during the First World War.*, Moscow: Sotsekgiz.
- Aleksandrov, V. A. (1976). *Rural community in Russia (XVII - early XIX century)*. Moscow: Science.
- Astyrev, N. M. (1896). *In volost clerks. Essays of peasant self-government*. Moscow: w.p.

- Bogatyreva, O. N. (2004). *Evolution of the system of local government in the Vyatka and Perm provinces (1861 - February 1917)*. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta.
- Brzheskii, N. (1906). *Natural taxes of peasants and community fees*. St. Petersburg: w.p.
- Burlova, G. V. (2010). Village head: powers and activities in the second half of the XIX beginning of the XX century. (on materials of the Tambov and Ryazan provinces). *Bulletin of the University of Tambov*. No. 5(85), pp. 81-86.
- Veniaminov, P. (1908). *The peasant community (what it is, what it is for and what it can give to Russia)*. St. Petersburg: w.p.
- Golovin, K. F. (1887). *Rural community in literature and reality*. St. Petersburg: w.p.
- Danilov, V. P. (1971). On the nature and significance of the peasant land community in Russia. In *Problems of socio-economic history*. (Pp. 341–359). Moscow: Science.
- Zyryanov, P. N. (1992). *The peasant community of European Russia. 1907-1914*. Moscow: Science.
- Kaufman, A. A. (1905). Siberian questions in the agricultural committees of 1902. *Siberian Questions*, (1), pp. 26–32.
- Kachorovskii, K. R. (1906). *Russian community*. Moscow Tipo-litografiya: Russkogo tovarishchestva.
- Kotovitch, L. V. (1989). . The organization of public self-government among Russian peasants of Siberia of the late XIX - early XX centuries In *Community and family in the Siberian village of the XVIII - early XX centuries*, (pp. 39-51). Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. ped. in-ta.
- Pocherevin, E. V. (2013). *Lower administrative and judicial system in the Altai District (end of XIX century - 1917)*. Biisk: AGAO.
- Tutolmin, S. N. (2005). Russian peasant in rural and volost administration: the struggle for power and for liberation from it (beginning of the 20th century). *Nestor. Journal of History and Culture of Russia and Eastern Europe*. No. 7. Pp. 264-279.
- Chirkov, A. A. (2004). *The community and power in the Altai (1906 - June 1918)*. Biisk: NITs BPGU im. V. M. Shukshina.
- Shchapov, A. P. (1906). *Compositions*. St. Petersburg: Izd. M.V. Pirozhkova, vol. 1.